

М.Н. Ковалевский

Закон и обычай на Кавказе

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
М11

М11 **М.Н. Ковалевский**
Закон и обычай на Кавказе: Том 2 / М.Н. Ковалевский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 315 с.

ISBN 978-5-518-06643-4

ISBN 978-5-518-06643-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

занимается описаніемъ народныхъ обычаевъ сванетовъ, ишавовъ, хевсуровъ и тушинъ, при чемъ о послѣднихъ двухъ народностяхъ сообщаются лишь тѣ данныя, которыя не вошли ранѣе этого въ содержаніе перваго тома; вторая часть обнимаетъ собою адаты дагестанскихъ горцевъ и ихъ отношеніе къ шаріату. Такъ какъ оба источника дагестанскаго права сталкиваются между собою лишь въ извѣстныхъ сферахъ юридической жизни, то этими сферами и ограничивается предметъ моего изслѣдованія. Такими сферами являются по преимуществу, хотя и не исключительно, сфера брачнаго, наследственнаго и уголовнаго права. Въ другихъ областяхъ шаріатъ доселѣ продолжаетъ господствовать, и вліяніе адата проявляется въ однихъ лишь частныхъ нормахъ, которыя я постарался отмѣтить при случаѣ. Такъ какъ источникомъ адатнаго права въ Дагестанѣ, какъ и повсюду на Кавказѣ, является родовое устройство, то изученію отдѣльныхъ нормъ адатнаго права я предпослалъ общую главу о дагестанскихъ родахъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ тохумовъ.

Въ настоящемъ томѣ читатель найдетъ еще болѣе фактовъ, не подтверждаемыхъ никакими ссылками, нежели въ предшествовавшемъ. Причина лежитъ въ характерѣ того матеріала, которымъ приходилось пользоваться. Онъ составленъ по преимуществу изъ личныхъ замѣтокъ, набросанныхъ на бумагу во время путешествій по горнымъ обществамъ Грузіи и Дагестана, изъ записи народныхъ юридическихъ обычаевъ, слышанныхъ на мѣстахъ по показаніямъ стариковъ, изъ протоколовъ сельскихъ и окружныхъ народныхъ судовъ и изъ оффиціальныхъ документовъ, хранящихся въ окружныхъ архивахъ Тіопета, Закатала и Гуниба, а также въ главномъ управленіи по дѣламъ горцевъ. Я посѣтилъ южные и восточные склоны Кавказскаго хребта въ три различные срока: лѣтомъ 1885 года въ обществѣ профессора Иванюкова я проникъ въ Сванетію съ сѣвера черезъ Тонгузорунскій перевалъ и, посѣтивъ ея важнѣйшіе аулы, встрѣтился въ Калахъ съ поднявшеюся изъ Мингреліи административной экспедиціей военнаго губернатора Смекалова. Эта случайная встрѣча не мало содѣйствовала успѣшному исходу моего предпріятія, такъ какъ

самъ губернаторъ и его штатъ изъявили полную готовность содѣйствовать мнѣ въ моихъ изысканіяхъ. Въ 1887 году я провелъ болѣе мѣсяца въ путешествіяхъ по Хевсуретіи, Пшавіи и Тушетіи, сопровождая на этотъ разъ, въ его разѣздахъ по службѣ, председателя тифлисской палаты государственныхъ имуществъ, извѣстнаго знатока Кавказа и въ частности Грузіи, г. Хатисова. Не разъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ мой спутникъ принималъ на себя неблагоприятныя обязанности переводчика, спрашивая по моимъ указаніямъ собиравшихся при нашемъ проѣздѣ стариковъ и передавая мнѣ почти подстрочно содержаніе интересовавшихъ меня судебныхъ рѣшеній.

При новой поѣздкѣ осенью того же года въ Закаталы и Дагестанъ я имѣлъ счастье встрѣтить въ полковникѣ Усбашевѣ, начальникѣ Закаталскаго округа, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ администраторовъ и серьезнѣйшихъ знатоковъ восточной половины Кавказа. Сообщенныя имъ оффиціальныя документы и сдѣланныя съ его словъ замѣтки, вмѣстѣ съ тѣми архивными данными, которыми обязательно надѣлилъ меня въ Тифлиссѣ г. Вейденбаумъ, послужили главнымъ матеріаломъ для составленія моего очерка о родовой организаціи Дагестана. Поднявшись изъ Лагодехъ на главный хребетъ въ обществѣ казеннаго лѣсничего, г. Млакосѣвича, я совершилъ мою поѣздку по Дагестану, пользуясь его постояннымъ содѣйствіемъ въ собираніи этнографическихъ и юридическихъ данныхъ. Окружные начальники и ихъ помощники, и учителя народныхъ школъ обязательно ставили себя въ мое распоряженіе и доставляли мнѣ возможность вступать въ частныя бесѣды съ аульными старшинами, эфендіями и муллами. Окружной начальникъ Кайтаго - Табасарайскаго округа, князь Макаевъ, сообщилъ мнѣ въ частности русскій текстъ Постановленія Кайтагскаго уцмія Рустема, предисловіе къ которому дало мнѣ возможность исправить ошибку профессора Леонтовича и отождествить личность Рустема, современника Шахъ - Абасса и Шахъ - Сафій, съ тѣмъ Рустемомъ „главою Османова владѣнія“, о которомъ говоритъ нѣмецкій путешественникъ 17 вѣка Олеарій. Встрѣчая на каждомъ шагу содѣйствіе и поддержку, я несомнѣнно могъ бы собрать гораздо

больше данныхъ по занимавшимъ меня вопросамъ, если бы не тѣ преграды, какія необходимо ставить каждому путешественнику разнообразіе дагестанскихъ языковъ и нарѣчій. Въ виду этого обстоятельства, я не смотрю на свое описаніе юридическаго строя дагестанскихъ горцевъ, какъ на окончательную работу, не нуждающуюся въ пересмотрѣ и дополненіи. Я дорожу въ ней только нѣкоторыми общими выводами объ отношеніи, въ какомъ стоитъ родовое устройство къ народному адату и народный адатъ къ правиламъ шаріата. Я считаю также болѣе или менѣе установленнымъ то общее положеніе, что, не смотря на нестроту племеннаго состава и разнообразіе языковъ, жители Дагестана придерживаются болѣе или менѣе одинаковыхъ началъ права. Но отличительная особенность мѣстныхъ адатовъ и причины, вызвавшія ихъ къ жизни, ускользнули отъ моего вниманія, очевидно, вслѣдствіе незнакомства моего съ туземными нарѣчіями. Эта сторона моей задачи осталась не осуществленной и выполненіе ея можно ожидать ни отъ кого иного, какъ отъ мѣстныхъ изслѣдователей.

НАРОДНОЕ ПРАВО

ГОРЦЕВЪ

МИНГРЕЛИ, ГРУЗИИ И ДАГЕСТАНА.

ОТДѢЛЪ I.

ГОРЦЫ МИНГРЕЛИИ И ГРУЗИИ.

Ковалевскій Т. П.

ГЛАВА I.

Общественное и политическое устройство сванетовъ.

Во всей Европѣ нѣтъ племени, поселенія котораго были бы расположены такъ высоко надъ моремъ, какъ сванетскія. Они разсѣяны частью по верховьямъ Ингура, частью по той узкой, часто пересѣкаемой горами долины, которая, начиная отъ Тонгузоруна, тянется между двумя сибжными хребтами вплоть до Латпарскаго перевала въ Мингрелію. Сообщеніе съ сѣверомъ доступно лишь для пемногихъ; съ югомъ — въ теченіе не болѣе двухъ мѣсяцевъ въ году. Изолированность сванетовъ, защищенныхъ отъ чужеземныхъ вліяній почти непроходимыми горами, широкая автономія, какой они пользовались при грузинскихъ царяхъ, рано достигнутая ими свобода отъ княжескаго произвола, всюду вліявшаго разлагающимъ образомъ на мѣстный обычай — все это вмѣстѣ взятое побуждаетъ сравнительнаго этнографа остановиться съ особеннымъ интересомъ на изученіи общественнаго и юридическаго строя этого народа, древность котораго такъ велика, что рѣчь о немъ идетъ еще со временъ греческихъ лѣтописцевъ и географовъ. Кого интересуютъ переживанія родоваго строя, кто желалъ бы возстановить въ мельчайшихъ подробностяхъ едва намѣченную Тацитомъ картину древне-германской жизни или восполнить этнографическими аналогіями скудные свидѣтельства византійскихъ и арабскихъ источниковъ о бытѣ нашихъ предковъ славянъ,

найдеть въ обычаяхъ сванетовъ богатѣйшій матеріалъ для своихъ построеній. Кровное начало доселѣ составляетъ ихъ основу. Ваіяніе его сказывается на каждомъ шагу: и въ жизни большими семьями, на подобіе юго-славянскихъ задругъ, и въ родовомъ характерѣ сельскихъ поселеній или такъ называемыхъ сопелей, составленныхъ нерѣдко изъ однихъ однофамильцевъ. и въ господствѣ родового самосуда не воплію подавленнаго еще русскимъ правительствомъ, и въ привилегированномъ положеніи, занимаемомъ родственниками какъ на судахъ, въ которыхъ они своею присягой подкрѣпляютъ показанія обвиняемаго, такъ и въ гражданскихъ сдѣлкахъ, дѣйствительныхъ только подъ условіемъ ихъ согласія. Родовая организація сванетовъ отличается при этомъ такой выработанностью и законченностью, что каждый въ отдѣльности взятый юридическій институтъ получаетъ отъ нея свою окраску. Возьмемъ для примѣра институтъ усыновленія, въ силу котораго чужеродецъ получаетъ доступъ въ семью и право наследованія въ ея имуществѣ. Институтъ этотъ развитъ очень слабо въ средѣ сванетовъ; если имъ и извѣстно усыновленіе, то только родственника; чужеродецъ, хотя бы имъ былъ и зять, мужъ единственной дочери покойнаго, не вступаетъ у нихъ никогда въ права сына и въ частности не наследуетъ. Эта черта можетъ показаться аномаліей для всякаго, кто интересуется древнимъ правомъ. Кому не извѣстно широкое господство такъ называемаго фиктивнаго родства и въ древне-римскомъ правѣ, и въ греческомъ, кто не знакомъ съ тою выдающеюся ролью, которая принадлежала ему нѣкогда одинаково у индусовъ и у кельтовъ, и при томъ въ эпоху господства тѣхъ самыхъ родовыхъ отношеній, которыя лежатъ въ основѣ быта сванетовъ. Видимое противорѣчіе разрѣшается, однако, весьма просто. Усыновленіе чужеродца потому неизвѣстно сванетамъ, что родовой строй ихъ жизни отличается несравненно большею крѣпостью, чѣмъ бытъ вышеупомянутыхъ нами народностей. Давно сдѣлалось трюизмомъ, что исторія застасть народы въ эпоху ихъ перехода отъ кровныхъ сообществъ къ сосѣдскимъ. Въ чистомъ его видѣ родовой бытъ можетъ быть констатированъ только въ средѣ тѣхъ народовъ, которые, не будучи историческими, составляютъ пока

достояніе одной этнографіи, и къ числу такихъ я считаю возможнымъ отнести и сванетовъ, по крайней мѣрѣ въ періодъ времени предшествовавшій русскому господству. Усыновленіе чужеродца, говорили многіе старики, потому было немыслимымъ въ прежнее время, что родственники никогда бы не допустили передачи ему наслѣдства. При прочности кровныхъ связей, родство соблюдается въ отдаленнѣйшихъ степеняхъ, такъ что нельзя встрѣтить человѣка, у котораго бы не было родственниковъ, а слѣдовательно и наслѣдниковъ, присутствіе которыхъ исключаетъ возможность передачи имущества въ чьи либо чужія руки. Обычное право сванетовъ убѣждаетъ насъ, такимъ образомъ, въ томъ, что институтъ усыновленія развивается на почвѣ разлагающагося родового быта, по мѣрѣ ограниченія кровнаго начала нарождающимся трудовымъ, при которомъ лицо, болѣе другихъ содѣйствовавшее накопленію семейнаго имущества, а такимъ можетъ быть и принятый въ семью чужеродецъ, приобретаетъ тѣмъ же самымъ преимущественное право наслѣдованія въ ея имуществѣ.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ родовымъ принципомъ стоитъ также у сванетовъ совершенное устраненіе женщинъ отъ наслѣдованія, одинаково извѣстное и римскому, и нѣмецкому праву, и отсутствіе права завѣщательнаго распоряженія—живая иллюстрація къ словамъ Тацита о «*nullum testamentum*» у древнихъ германцевъ. Последнее является только однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ ограниченій, какія налагаетъ на правовую дѣеспособность отдѣльнаго лица жизнь сообща съ родственниками и накопленіе цѣнностей общины трудомъ. Лицо, стоящее во главѣ двора, нѣдко вмѣщающаго въ себѣ до сорока человѣкъ, не можетъ ни продавать семейнаго достоянія, ни обмѣнять отдѣльныя участки принадлежащей обществу земли, не исполнивши согласія всѣхъ членовъ. Судьба, совершенная имъ, вопреки общему желанію, сама по себѣ недействительна. Но этого мало. Вліяніе родства сказывается и въ томъ случаѣ, когда оно не связано съ жизнью сообща. Не только однодворцы, но и всѣ вообще однофамильцы, хотя бы они жили и въ разныхъ дворахъ, болѣе того, въ разныхъ селеніяхъ, пользуются правомъ предпочтительной покупки и родового выкупа, дѣлая тѣмъ

самымъ весьма шаткимъ всякаго рода имущественныя едѣлки. Ни въ чемъ, однако, не сказывается въ такой степени сила кровнаго начала, какъ въ тѣхъ брачныхъ запрещеніяхъ, какими такъ богато обычное право сванетовъ. Запрещенія эти идутъ гораздо далѣе каноническихъ. Въ бракъ не могутъ вступать не только родственники до четвертой степени включительно, но даже тѣ, родство которыхъ исчисляется двѣнадцатю степенями. Въ нѣкоторыхъ обществахъ Вольной Сванетіи бракъ считается невозможнымъ между всѣми вообще однофамильцами; такъ что въ тѣхъ селеніяхъ, населеніе которыхъ еще недавно было составлено изъ однихъ родственныхъ другъ другу семей, господствовала полнѣйшая экзогамія.

Говоря о томъ, что родовыя порядки лежатъ въ основѣ народнаго права сванетовъ, я разумю не тѣ болѣе архаическія группы, которыя Морганъ обозначаетъ терминомъ материнскихъ родовъ, но расчлененіе общества по агнатическому принципу, подобное тому, какое извѣстно было древнему Риму и Греціи, германцамъ времянь Цезаря, славянамъ и кельтамъ съ момента ихъ исторической жизни. Правда, нѣкоторыя черты современнаго быта сванетовъ указываютъ на порядки несравненно болѣе архаическія; кто знакомъ съ ученіемъ по преимуществу англійскихъ и американскихъ этнологовъ, тому небезызвѣстно, какое первенствующее значеніе играетъ въ ихъ теоріи материнства непрочность брачныхъ узъ и легкое поведеніе женщинъ. И то, и другое достаточно засвидѣтельствовано у сванетовъ. Похищеніе какъ дѣвушекъ, такъ и въ особенности замужнихъ женщинъ у нихъ явленіе обыденное. Семейные раздоры и родовая месть весьма часто не имѣютъ иного источника. Но достаточно ли всего этого для утвержденія, что индивидуализація семейныхъ отношеній у сванетовъ явленіе недавнее, что не далекъ еще періодъ широкаго господства въ ихъ средѣ беспорядочнаго полового сожителства, при которомъ отецъ могъ быть и неизвѣстнымъ, и единственной прочной связью поворожденнаго была связь его съ матерью—родильницей. Я полагаю, что нѣтъ и вотъ почему. Прежде чѣмъ останавливаться на общихъ причинахъ извѣстнаго явленія, необходимо удостовѣриться еще въ томъ, что послѣднее не находитъ себѣ достаточнаго объяс-